

ИСПОРЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ДЖОН УРБАНЧИК

Полтергейст Пресс

УДК 82-3
ББК 84(7Сое)6-4

Полтергейст Пресс

ДЖОН УРБАНЧИК

Испорченная реальность / Джон Урбанчик — Полтергейст Пресс, 2020. — 240 с.
ISBN: 978-1-913138-77-6

Кевина Николса можно назвать счастливым человеком. У него любимая жена и очаровательный маленький сын, стабильная работа с дружелюбными коллегами и немало хороших воспоминаний и надежд на будущее. О таких, как он, люди часто говорят: «Жизнь удалась!»

Однажды Кевин окажется в совершенно другом мире. Мире, в котором его вдруг просто... не стало.

18+

Первое издание

Публикуется по договоренности с автором

© Полтергейст Пресс, 2021

© John Urbancik, 2016

© Т8 Издательские технологии, печать 2021

ISBN: 978-1-913138-77-6

www.poltergeistpress.com

Глава 1

I

Я НЕ ЗНАЮ, почему здесь очутился, но могу сказать как. Могу вспомнить каждый шаг, каждый поворот на пути из места, некогда бывшего моим домом, сюда... в комнату, говорите? Это берлога, пещера, яма, не уверен, что комната — нужное слово.

Люди в ней пугают меня. Например, парень, чистящий ногти ножом — настоящим ножом, которым можно изувечить. Он сверлит меня взглядом, но, по крайней мере, от него пахнет не так плохо, как от остальных. Вонь настолько ужасна, что я едва не задохнулся, когда попал сюда.

Есть другой, с бегающими глазами. Слюна... или пена?.. течет у него изо рта, висок блестит от пота и свежей крови. Не думаю, что кровь — его.

Женщины еще хуже. Одна, блондинка, носит кастет с шипами, ржавыми или заляпанными кровью. Подпирает стену беспечно, будто у себя дома. Когда я заметил ее, она поймала мой взгляд и ухмыльнулась. Зубы у нее заострены, словно иглы.

Я вижу по крайней мере три трупа, чувствую их запах, они уже разлагаются, но никому до этого дела нет.

Я готов верить, что это ад. Я умер и теперь страдаю.

Вот ребенок, на вид ему не больше двенадцати, перешагивает через валяющихся на полу людей. Он грязный и тощий, но страха в нем нет. Когда один из лежащих тянется к нему и хватается за лодыжку, пацан выхватывает выкидной нож и чиркает по запястью. Без

предупреждения. Никто не реагирует, только раненый с проклятием отдергивает руку.

Я не могу здесь оставаться. Ни за что. Как жить, когда не уверен в следующем вздохе?

Знаю. В жизни все так же: тебя может свалить аневризма, сбить грузовик, подкосит другая случайность, но в реальности смерть не смотрит тебе в глаза, ухмыляясь и дразнясь, как здесь.

Она говорила, что приведет меня к таким же, но я совсем не похож на этих людей. Ничем. Я не убийца.

— Плохо выглядишь, — говорит мне один тип. Не самый неприятный здесь. Зубы ровные и чистые, от него не воняет, но на небритой щеке алый, свежий шрам, зрачки огромные, а все тело подрагивает, как провод под напряжением.

Я оглядываюсь, надеясь, что он говорит еще с кем-то, но он обращается ко мне. Я не знаю, как говорить с этими людьми. Не хочу показывать страх или слабость, не хочу общаться. Говорю:

— Ты тоже, — и надеюсь, что он отстанет и мои слова не звучат оскорбительно или панибратски, не показывают, что я настолько глуп, чтобы завязать диалог.

Он закрывает глаза, опускает голову и, покачав ей, говорит:

— Да, думаю, ты прав, мы все не те, что прежде. Но ты здесь новенький.

Это не вопрос, так что я не отвечаю. Он медлит и продолжает:

— Знаешь, что с тобой случилось? Есть идеи?

— Вообще-то, — говорю я, — нет.

— Эх, мужик, — отвечает он, снова открыв глаза. Смотрит, как будто открывает мне тайну: — Тебя поймали, вот что. Как и всех нас. Видишь ли, мир, каким мы его знаем, реальность, существует в наших головах. Не на самом деле. Мы творим его. Я не мастер объяснять, но случилось вот что: каким-то людям реальность не понравилась. Или они захотели создать другую. Захотели так сильно, что она изменилась, и мы теперь живем в их головах, а не в собственных. Мир сдвинулся, и в этой реальности тебя нет. Никого из нас. Тебя вообще не должно здесь быть. Ты остался за бортом.

ИСПОРЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

— За бортом?

— Реальность, мужик, огромна. Много мелочей. Изменяя ее, трудно не забыть кусочек тут, кусочек — там.

Теперь мне действительно страшно — потому что я ему почти верю.

— Если меня не должно здесь быть, — говорю я, — значит, я никогда не жил в своем доме.

— Это не твой дом, — отвечает он. — Таким он остался только в твоих воспоминаниях. Но никто больше этого не помнит. Никто не помнит тебя.

Я надеюсь, что он сидит на чем-то: на хардкорных колесах, о которых я никогда не слышал, жутких препаратах, сводящих с ума, — это легче, чем признать его правоту.

Но его слова объясняют то, что я видел, то, что случилось в моем доме.

Нет... не в моем доме, как он говорит. Как сказал живший там парень — прежде чем выстрелить мне в голову.

II

Была обычная ночь. Я доехал на метро до дома, на лифте — на одиннадцатый этаж. Карен встретила меня, хотя и устала, улыбкой, поцелуем, объятием. Тимми шумел, иногда на него находило. Он хотел, чтобы Карен взяла его на руки, но успокоился, когда это сделал я. Подняв на меня глазенки, он решил, что его это пока устроит.

В основном Тимми вел себя хорошо, но иногда требовал внимания. Когда я вернулся, он только начал реветь, и я решил, что теперь моя очередь. Карен сидела с ним весь день. Ее ждет отдых, меня — обнимашки. Вот и все. И мне это нравилось. Еще бы! Тимми был нашим сокровищем, светом в темные дни, свертком хихиканья, младенческих отрывков и любви.

Карен приготовила ужин, я помыл посуду, мы покормили Тимми и по очереди поменяли ему пеленки. Посмотрели десятичасовые новости, уложив его. Стали готовиться ко сну. Поцелуй на ночь, проверка

колыбельки, ничего особенного. Я хотел нырнуть в кровать, снял обувь и дневную одежду, когда Тимми заплакал. Карен уже лежала под одеялом, и я сказал:

— Моя очередь.

Когда я вышел в коридор, меня замутило. Навалилась слабость, голова закружилась. Я схватился за стену, чтобы не упасть. Подумал, что отключусь. Что сгорю, что утону в собственном поту, а затем — рухнул и ударился. Сильно.

Первым звоночком оказалось то, что лежал я на паркете, а не на ковре.

Карен бы меня услышала. Выбежала бы из комнаты, спрашивая, что случилось, все ли со мной — и с Тимми — в порядке. Вместо этого раздалось приглушенное «Ты это слышал?». Голос, вернее, шепот мог принадлежать Карен или любой другой женщине.

С самого начала все казалось неправильным. Голова раскалывалась от боли, и я все еще не мог подняться. Схватился за стену, чтобы встать, и услышал его:

— Кто ты, черт возьми?

Мне тоже хотелось его об этом спросить. Голос незнакомца был ниже моего, явно не принадлежал Карен и уж точно не Тимми. Мужик был в пижамных штанах — с бугрящимися мускулами и ухмылкой, в которой злость мешалась с потрясением.

Я не успел задать ему вопрос — он бросился в спальню. Моей она не была, это я уже понял. Цвета, освещение, расположение кровати — все изменилось. Я шагнул к этой неправильной двери, держась за стену, и успел глубоко, тяжело вдохнуть прежде, чем взломщик (а как еще я мог о нем думать?) вернулся.

С пистолетом.

О пушках я знал мало. Только что они черные или серые, иногда со вставками дерева и слоновой кости. Некоторые стреляли очередями, другие нужно было постоянно перезаряжать. Они плевались дробью, пулями, патронами, и плохо приходилось тому, кто стоял у них на пути. Этого мне хватило. Я метнулся в коридор и, держась за стену, влетел в кухню — прежде чем первая пуля выбила щепку из косяка. Я слыш-

ИСПОРЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ком спешил, чтобы посмотреть, насколько большую, но выстрел прочистил мне мозги. Головная боль усилилась, заставляя сконцентрироваться на кухонном столе. Осталась только одна мысль: бороться. За свою жизнь, за жизни жены и сына. Бороться за дом и за все, что мне дорого. Рядом с плитой стояла подставка для ножей. Я понимал, что лезвие не поможет против пистолета, но это было лучше, чем ничего.

Вот только подставки с мясницким, разделочным, хлебным и канцелярским ножами (черт, да сейчас сгодился бы и ножик для снятия кожуры) на месте не оказалось.

Что-то было не так, не только с моей головой (или в моей голове, что еще хуже), но я этого пока не понял. Вместо ножа я схватил наполовину использованный рулон бумажных полотенец.

Больше всего смущало, что квартира была одной планировки с моей. Спальни — по коридору, между ними ванная, кухня выходила в гостиную, раздвижные стеклянные двери вели на балкон. Отсюда я мог попасть в кладовку или выбежать на улицу — через дверь в прихожей.

Мужик, преследовавший меня, не оставил мне времени. Завернул на кухню из коридора, направил пистолет мне в лицо и сказал:

— Убирайся, на хрен, из моего дома.

— Моего... — Не удавалось найти нужных слов, собраться с мыслями. Начни я спорить, и он нажмет на спусковой крючок и расплещет мои мозги по плиткам из нержавеющей стали над конфорками. У нас таких не было. А рядом с плитой не висели бумажные полотенца. У нас в спальне не жил мужик с пистолетом.

Ничего подобного. Я не знал, где очутился. Думаю, тогда-то и понял, что, убив меня, он, возможно, окажется прав.

Тут меня вывернуло.

III

Стоит отдать парню должное: он меня не пристрелил. Целился мне в лицо, пока я стоял, и терпел, когда я сложился вдвое и заблевал ему кафель. Моему желудку это понравилось так же, как моей голове.

К моей чести, я не упал. Пришлось приложить усилия.

Он ничего не сказал. Тот первый выстрел был, я думаю, предупредительным, показывал, что шутить мужик не намерен. Возможно, мне повезло и он не хотел меня убивать — даже если я попал в чужой дом. Волноваться об этом я буду позже.

Вытерев рот, я посмотрел на него (поверх ствола) и попятился в прихожую. Добрел до двери, отпер тот же замок, что и в моей квартире, и, не сводя глаз с незнакомца, защищавшего свое жилище, вышел.

На двери был тот же номер, что и у моей квартиры (1142). Коридор был таким же — открытый переход: стоя у перил, можно было увидеть все тринадцать этажей, если посмотреть вниз. Большие стеклянные панели над головой давали днем много света, особенно на такой высоте. Чувствуя, что реальность ускользает, я попятился — к главному проходу.

Он стоял у двери, направив на меня пистолет — дольше, чем я мог на него смотреть. Мысли путались. Голова кружилась, паника нарастала. Скоро меня схватят охранники, придет полиция или соседи выйдут узнать, в чем дело.

Но это точно мои соседи. В этом я был уверен. В квартире 1138, которой всегда не хватало восьмерки, гордо носившей номер 113.

Дойдя до лифта, я решил спуститься по лестнице. Медленно. Сперва посидел на площадке, сжав голову руками, пока мир не перестал вращаться, и еще немного — на всякий случай.

Я слышал шум в коридоре, голоса и шаги, но никто, видимо, не догадался проверить лестницу или просто не захотел. Я не знал, куда идти и что делать, так что решил поразмыслить над этим, пока спускаюсь. Перебирал в голове варианты. У меня не было денег, даже проездного на автобус или в метро. Из одежды — треники и футболка, обычный ночной прикид зимой. Ни обуви, ни носков. Я понял, что мне не холодно из-за адреналина, но это не значит, что я не замерзну ночью.

На пятом этаже у меня был друг, бывший коллега. Хотя друг — это сильно сказано. Мы пару раз ходили в бар после работы, но я не видел Роджера с тех пор, как он устроился в фирму рядом с Чайнатауном. Я

ИСПОРЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

не мог вспомнить ее название, даже его должность, когда он работал со мной, но знал, что Роджер всегда был милым, особенно после пары кружек пива. Мне нужна была Карен, но в этот момент сгодились бы и дружеская поддержка.

Грязный и ошеломленный, я постучал в дверь Роджера. Еще раз.

Наконец он ответил. Приоткрыл дверь и, смерив меня взглядом, сказал:

— Прости, приятель, похоже, ты ошибся дверью.

— Роджер, — сказал я.

Он нахмурился, изучая мое лицо:

— Мы знакомы?

— Конечно, — ответил я. — Это я. Кевин.

Он повторил мое имя, словно пробуя его на вкус:

— Кевин?

— Мы вместе работали.

— А, — сказал Роджер, кивая. — Точно, работали. Кстати, где именно?

— В «Кроунком».

— «Кроунком»? Да! — На его лице забрезжило узнавание, несомненно ложное, потому что иначе он бы сразу меня узнал. — Ага, точно, я там работал. Не припомню тебя, приятель, но, думаю, все нормально. Плохо выглядишь.

— И чувствую себя тоже не очень.

— Отлично, отлично. Принесу тебе аспирина и бутылку воды, и ты вернешься к себе.

— Я не могу.

Его брови изогнулись, только на миг:

— Что значит «не могу»?

— Меня выгнали из квартиры. Мужчина с пистолетом.

Он наклонился ко мне, словно хотел поделиться секретом, и прошептал:

— Тогда, может, стоит позвонить в полицию, а не ломиться к незнакомцу?

— Мы не знакомцы, — сказал я.

— Аспирин, — продолжал Роджер. — Вода. Черт, я сегодня щедрый, даже дам тебе двадцатку на новую бутылку и место для ночлега.

— Мне не нужны деньги. — Ничем хорошим это не кончится. Да и как иначе? Я едва думал, а Роджер говорил, что не знает меня. Но он бы не успел меня забыть!

— Скажи спасибо, — заметил он, — что я не вызываю полицию.
Роджер захлопнул дверь.

Оставил меня в коридоре, как идиота. Что еще мне оставалось?

Он вернулся через минуту, как обещал, с аспирином, бутылкой воды и свернутой двадцаткой. Я сунул таблетки в рот, отчаянно желая облегчения, и запил их несколькими глотками. Не понимал, насколько сильно хочу пить.

— Возьми, — сказал Роджер, — и уходи.

— Мне не нужны деньги.

— А что тебе нужно?

Список был огромным: нужно домой, в постель к Карен, чтобы Тимми спал в соседней комнате, нужно, чтобы этот кошмар закончился, нужно смыть вкус рвоты и почистить зубы, просто помыться, нужно, чтобы Роджер перестал вести себя так, словно я алкаш, постучавшийся к нему случайно. Но, похоже, он не притворялся и мне повезет, если я сумею получить хоть что-то. Денег я не взял. Сказал:

— Обувь.

— Тебе нужна обувь?

Я посмотрел на свои ноги.

— Не знаю, сколько времени пройдет прежде, чем я вернусь домой. — Пока я это говорил, мой желудок завязывался морским узлом, из тех, что не поддаются, пока не разрежешь перочинным ножом. Я пошевелил голыми пальцами ног. Мне было необходимо пальто и, возможно, нож, но я понимал, что настаивать ни к чему. Осознал, что мне повезет, если я получу хоть что-то. Уже повезло: Роджер оказался хорошим, дружелюбным парнем. Судя по всему, я был для него загадкой. Он помогал мне из любопытства. Я знал его и где он работал, так что, наверное, Роджер ждал, когда меня вспомнит.

ИСПОРЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

— Обувь, — повторил он. — Да какого черта! Конечно.

Он ушел, снова закрыв дверь. Вернувшись, бросил передо мной пару старых кроссовок.

— Вот. Пользуйся. Слушай, я тебя совсем не знаю и мне не нужно проблем. Постучишь снова, я не открою. — Он хотел уйти, но решил, что этого мало: — Позвоню, куда надо, понял?

— Конечно, — сказал я. — Спасибо.

Я ничего не понимал, но не собирался выяснять все прямо сейчас.

Роджер закрыл дверь, а я надел кроссовки. Они были чуть свободны — лучше, чем малы. Он сунул двадцатку в кроссовку, и я спрятал ее в карман, решив, что она пригодится. Где именно, было пока неясно. В квартиру я вернуться не мог: в ней жил кто-то еще. Я молился, чтобы таблетки подействовали. В голове словно рокотал гром, и мне казалось, что долго я этого не выдержу.

Внизу я зашел в общественный туалет, чтобы привести себя в порядок, насколько возможно, прополоскал рот, умылся и помыл руки, а затем вышел из здания.

Пирмонт-стрит была холодной. Пустой. Машины стояли по обеим сторонам улицы с односторонним движением. Я зашагал по ней, поднялся по ступенькам, чтобы пересечь пути и двинуться к Дарлинг-Харбор. Я не знал, куда иду и что делать дальше, но нужно было прочистить голову. Мне всегда становилось легче в людных местах, среди друзей, но теперь сойдут и незнакомцы. Еще один Роджер, и я тронусь. Наверное, я уже обезумел, вот только думать об этом был не готов.

IV

— Мне здесь не место, — бормочу я. Слушаю этого нарика. Только посмотрите на его глаза. Бесцветные — черные точки в оплетенном алыми сосудами белке. Я слушаю, в словах есть смысл, вот только он мне совсем не нравится.

Как и эта дыра.

Я все еще не знаю, что делать. Ничего не меняется. Не собирается меняться. Судя по всему, моя жизнь кончена. Стерта. Меня словно никогда не было, но это еще не все. Точно так же можно сказать, что океан мокрый, потому что вода мокрая.

Тип понижает голос. Похоже, здесь любят поговорить с незнакомцами, но только с теми, кого выберут сами.

— А если я скажу, что все может быть иначе?

Я не выдерживаю.

— О чем ты? — Вопрос срывается с губ прежде, чем я успеваю его обдумать. Похоже, я влип в разговор, которого пытался избежать. Мои глаза мечутся по сторонам, почти так же быстро, как у торчка, и я чувствую: его слова мне не понравятся. Или он не собирается ничего говорить, просто хочет, чтобы я наклонился поближе. Так будет легче откусить мне нос или ударить ножом под ребра. Если кто-то это и заметит, то краем глаза, а глаза в этой дыре полны тьмы.

— Мужик, — говорит он очень тихо, — сколько ты отдашь, если я верну тебе твою жизнь? Разглажу реальность? Возвращу все на круги своя?

Я покачал головой:

— Это невозможно.

— Сколько?

— Чушь, — говорю я. — Ты меня разводишь.

— А если ты ошибаешься?

— Что ж, у меня ничего нет.

Он ухмыляется — губы расходятся, как зловеший порез, и я отшатываюсь. Хочу закрыть уши и не слышать того, что он скажет. Хочу сунуть в ушные раковины карандаши, порвать перепонки. Что мне делать? Меня оставили на поживу волкам, нет, не волкам, червям, копошащимся в утробе мироздания, я в ловушке, загнан, и мне предлагают то, о чем невозможно и помыслить. Хуже того, другие мужчины и женщины, мальчики и девочки, оказываются на моем месте, каждый день, в каждом городе мира, и я не могу представить, чтобы они отреагировали иначе, чем я. Это его зубы, решаю я, пугают меня: ровные, как на подбор, потому что никто их не выбил. В подобном

ИСПОРЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

месте это что-то да значит. Они желтые и гнилые, а его дыхание перебивает все прочие ужасные запахи. Эти зубы терзают уголки слов, когда он говорит:

— Я помогу тебе, а ты — мне.

Я заикаюсь. Глотаю слоги. Не уверен, что это вообще похоже на слова.

— Я скажу тебе, что делать, — продолжает он. — Вернешься к своей прежней жизни и отдашь деньги моей сестренке.

Я моргаю. Моргаю снова:

— Сестренке?

— Ее реальность сдвинулась, и я провалился в трещину. Стал тем, что я есть. Она не знает меня, никогда не знала, не хочет знать. Пристрелит, если я к ней подойду. Она может быть грубой. А еще она одинокая, тихая и потерянная. Как и всегда. Ничего не изменилось. Потеряв меня, она ничего не приобрела.

— Твоя сестра? — Я все еще не верил своим ушам.

— Ей нужна помощь. Она связалась с дурными людьми. Задолжала одному типу. Он дает ей отсрочку, день-другой, за трах или минет, но скоро потребует все. А у нее нет денег. Мужик, он ее убьет. И где я тогда окажусь?

— Почему именно я? Почему тебе просто не ограбить магазин, например?

— Это риск, — отвечает он с таким нажимом, что лица поворачиваются к нам. Он медленно качает головой: — Не могу рисковать. С тобой риска не будет.

Если я отступлю еще на шаг, то врежусь в кого-нибудь и пожалею об этом, но мне нужно отстраниться хотя бы немного.

— Мой дом исчез, — говорю я. — Там живет другой человек, у него пистолет, и я не думаю, что моя жена с ним. Уж точно не мой сын.

— Твой сын, — говорит он, хватая меня за руку, — пропал. Не умер, мужик, просто не родился. Но ты можешь его вернуть. Пробриться в свою реальность. Поиметь этот гребаный сдвиг. Вернуть все на круги своя — к норме. Держать сына на руках, не просто в последний раз, а каждый божий день.

Джон Урбанчик

Он трясет головой, но я смотрю на его руки, вцепившиеся мне в предплечье, и боюсь пошевелиться.

— У тебя нет выбора. Не превращай своего сына в воспоминание.